

Ж.К. Загидуллин

«Другой путь» эпистемологии: увидеть настоящую науку!

Загидуллин Жан Каримович – кандидат философских наук, ассоциированный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: autist2000@mail.ru

Статья посвящена описанию другого пути (отличного от Канта) эпистемологии, состоящего в том, чтобы анализировать не условия возможности познания, а исторически существующие феномены производства и распространения знаний в науке. Для этого необходимо анализировать разные типы эмпирического материала: развитые научные теории, внутринаучную рефлексию ученых и непосредственные образы деятельности ученых, представленные в исторических и социологических кейсах. Продуктивность такой эмпирической эпистемологии (сформированной на базе теории социальных эстафет М.А. Розова) продемонстрирована на примере эпистемологического анализа психологии как науки. Ключевое достоинство обращения эпистемологии к эмпирии в том, что появляется принципиальная возможность фальсифицировать выводы философов, и за счет этого сделать модели и концепты эпистемологии богатыми, эвристичными и позволяющими увидеть настоящую науку.

Ключевые слова: философия науки, эпистемология, психология, теория социальных эстафет, эмпирический факт, эмпирия, теория, наука, знание, рефлексия

Для автора настоящей статьи приход к эмпирической эпистемологии и философии науки начался с удивления и даже некоторого возмущения. Безусловный авторитет в философии – Иммануил Кант – утверждал, что психология как научный способ изучения психики невозможна, что душа и психика не мыслимы в категориях пространства [Кант, 1966] и поэтому к ним невозможно приложить математику. А раз нет математики – то и нет научного знания (кстати, само по себе последнее утверждение не вызывает возражений).

Но как же так?! Научная психология «невозможна», но она есть! И ей уже порядка 130 лет. И она с успехом применяет математику для описания закономерностей психических процессов.

Оказалось, что рассуждения Канта об условиях возможности выработки научных знаний в области изучения душевных процессов не соответствуют реальной исторической ситуации зарождения и становления современной научной психологии. Конечно, спасая честь великого философа, можно усомниться в статусе психологии, считая, что она не вполне наука, и что ее знания совершенно не соответствуют методологическим нормам естественных наук. Именно такие оценки психология выслушивала в свой адрес весь XX век.

Однако, эти утверждения никак не могут избавить нас от ощущения, что Кант ошибался. Ведь невозможно отрицать, что научная психология давно стала полноценным сектором социально-гуманитарных наук [Koch, Leary, 1992], со своей сложной и разветвленной дисциплинарной организацией, междисциплинарными проектами, развитой внутринаучной рефлексией и высокой стандартизацией способов ведения научной деятельности и публикаций [Publication Manual..., 2020].

Весь XX и отчасти XXI в. связаны с попытками философов и логиков пойти «другим путем», отличным от Канта: начать изучать реально существующие феномены производства и распространения знаний. Эмпирическая эпистемология на базе теории социальных эстафет [Кузнецова, Загидуллин, 2014], развиваемая в рамках школы М.А. Розова (1930–2011), является правопреемником этих попыток найти «другой путь». И первым шагом на нем следовало решить, что считать эмпирическим материалом для философского анализа научных знаний?

Один ответ лежит на поверхности – это, конечно, прямые результаты научной работы, т.е. *сформулированные знания*. Но так как мы не можем установить наличие знания, пока оно не представлено в социально значимой форме, то необходимо брать развитую форму знания – например, научную теорию.

К этому М.А. Розов добавил в качестве важнейшего источника эмпирического материала – *внутринаучную рефлексию* ученых, что обусловлено пониманием рефлексивной природы научного познания и тем, что каждый ученый вместе с осуществлением познавательных операций строит описания своих действий, а также делает вторичную обработку и анализ подобных рефлексивных описаний своих коллег [Розов, 2008, с. 257]. У рефлексии другой, чем у знания, объект – сама деятельность ученого, нормативы и условия осуществления научного познания, оценка эффективности методов или исследовательских приборов.

И, конечно же, для эмпирической эпистемологии важен еще один тип материала – *непосредственные образцы поведения и деятельности* ученых, различные традиции научного познания, все то, что М. Полани называл «неявным знанием». Но «увидеть» их крайне сложно. Поэтому приходится использовать косвенные следы их присутствия – исторические и культурные источники о работе ученых: воспоминания, мемуары, дневники, стенограммы работы научных лабораторий. Нередко этот материал оформляется в виде кейсов историками

и социологами науки, которые уже потом используются для эпистемологического анализа.

Заметим, что эмпирический материал – это не нечто само по себе данное, что можно в неизменном виде использовать для анализа. Нет, его еще необходимо определенным образом приготовить [Никитин, 1975, с. 228], «очистить» от случайных наслоений, провести первичную дифференциацию в соответствии с моделью знания и науки.

Сделав оговорки относительно изучения существующего производства знаний и типов эмпирического материала, можно перейти к тому, что же эпистемология может «увидеть» в эмпирии, в каком смысле она нуждается в обращении к эмпирическим фактам и могут ли построения эпистемолога быть ими опровергнутыми? Попробуем дать принципиальные ответы на примере конкретного эпистемологического анализа психологии как науки с точки зрения теории социальных эстафет М.А. Розова [Загидуллин, 2012].

Во-первых, оптика теории социальных эстафет и понимание элементарного знания как сопряженности *эстафет референции* (представление объекта знания в пригодном для изучения виде) и *репрезентации* (содержание знания в форме акта деятельности с объектом знания) будучи приложенными к научной психологии позволяют сделать вывод: обвинения психологии в «недоразвитости» – ошибочны. Психология последовательно решала проблему референции своих знаний. Отсутствие морфологического референта психики, невозможность «переслать сознание в коробке» (Э. Титченер), долгое время являлось главным аргументом против научности психологии. Эпистемологическая революция случилась тогда, когда психологи смогли найти подходящие материальные объекты, оперирование с которыми давало знания, трактуемые как знания о психическом [Загидуллин, 2013, с. 64–67]. Тут они проявили завидную изобретательность, создав разнообразные *морфологические* референты (например, Т-образный лабиринт с лабораторными мышами) и знаково-семиотические *функциональные* референты (например, 3d-модель работы коры головного мозга человека на основе фМРТ). Более того, психологией был впервые введен в общенаучный оборот новый тип референтов – «*методический*», особенность которого состояла в том, что объект оперирования в эксперименте создавался каждый раз под конкретное исследование за счет стандартизированной методики (важную роль, эмансипирующую от прихотливой морфологии психических явлений, сыграли так называемые методические дисциплины: психометрия, психодиагностика, математическая статистика, психофизиология, качественная социология). Примером таких референтов являются результаты работы с айтрекингом или использование метода семантический дифференциал в психосемантике. По сути, в XX в. психология доказала, что на уровне элементарного научного знания она стала полноценной научной дисциплиной.

Во-вторых, наше исследование показало, что все сложности психологии как науки обнаруживаются даже не на уровне научной теории (этому специально было уделено большое внимание), а на верхних этажах организации знаний – в наукообразующих программах (Розов различал исследовательские и коллекторские программы). В частности, Розов считал важнейшим условием

формирования дисциплинарного знания – наличие разнообразных коллекторских программ, обеспечивающих систематизацию и воспроизводство научных знаний. Оказалось, что в психологии наблюдается дефицит сильных коллекторских программ, а существующие недостаточно обеспечивают когерентность/непротиворечивость психологических знаний, т.к. используют логически слабые способы систематизации и аккумулирования знаний (в рамках исторической периодизации и общепсихологической таксономии).

И, наконец, в-третьих, наше исследование обнаружило любопытный феномен внутринаучной рефлексии ученых-психологов названный нами «*стоп-рефлексия*». Это такое самоописание деятельности психолога с точки зрения «передовых» нормативов и принципов, которое ориентировано на интеллектуальное оправдание психологии перед лицом философии и более развитых наук. Нередко новомодные концепты из социологии и философии науки (например, парадигмальность, постнеклассичность, синергетичность, ризома, аутопоззис и т.п.) также привносятся методологами в психологию только для того, чтобы сказать, что «у нас это точно есть». Стоп-рефлексия не предполагает сколько-нибудь существенного изменения практики психологического исследования и даже, в некотором смысле, замораживает возможность такого изменения, маскируя психологию под «нормальную» или даже «передовую» науку.

Естественно, это не все выводы нашего исследования. Но уже из сказанного видно, что философский анализ эмпирии позволяет зафиксировать *эпистемологический профиль* современной научной психологии, значительно отличающийся от стереотипов философского отношения к этой дисциплине. Увиденная картина жизни знаний в психологии значительно богаче и эвристичнее. Это стало возможным благодаря именно *эмпирическому анализу* знания [Розов, 1977] и расчленению материала психологии с помощью сформулированной М.А. Розовым *эстафетной модели науки* [Розов, 2008, с. 203–341].

Как же убедиться в действительности этого анализа? Ответ прост, все приведенные выводы об особенностях организации знаний в психологии принципиально *фальсифицируемы*. Например, чтобы опровергнуть вывод о дефиците коллекторских программ, достаточно найти учебник по психологии (распространенная форма существования коллекторских программ), где бы принципы систематизации знаний были логически строгими и где бы проводилась жесткая верификация (и отбраковка) отдельных психологических знаний ради обеспечения непротиворечивости дисциплины в целом.

Или другой пример. Вывод о «стоп-рефлексии» мог бы быть опровергнут на примере какого-либо кейса из психологии, где бы самоосознание деятельности психолога-ученого с точки зрения нормативов «передовых» наук привело бы к изменению (или хотя бы к появлению проекта такого изменения) практики психологического исследования, где бы эти принципы были бы вмонтированы в методики работы психолога.

Пока таких фальсифицирующих примеров не найдено (что не значит, что не будет найдено вообще). Однако, это не умаляет того факта, что фальсифицируемость выводов эпистемолога о функционировании знаний в науке является важнейшим достижением «другого пути». Теперь ясно, что не только

логическая строгость концептуального анализа является мерилем продуктивности философской работы. Способность видеть, познавать и быть готовым к опровержению со стороны эмпирических фактов из реальной научной практики является мощнейшим драйвером развития философии науки и эпистемологии. Ведь именно это, в конце концов, позволяет увидеть настоящую науку!

Список литературы

Загидуллин, 2012 – *Загидуллин Ж.К.* Особенности строения знаний в психологии как науке: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 2012. 127 с.

Загидуллин, 2013 – *Загидуллин Ж.К.* Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 59–69.

Кант, 1966 – *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с.

Кузнецова, Загидуллин, 2014 – *Кузнецова Н.И., Загидуллин Ж.К.* Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Вып. 19. М.: ИФ РАН, 2014. С. 101–124.

Никитин, 1975 – *Никитин Е.П.* Теория и эмпирия: проблема разграничения // Позитивизм и наука. Критический очерк. М.: Наука, 1975. С. 192–229.

Розов, 1977 – *Розов М.А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 232 с.

Розов, 2008 – *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.

Koch, Leary, 1992 – *Koch S., Leary D.E.* (ed.) A Century of psychology as science. Washington: APA, 1992. 1010 p.

Publication Manual..., 2020 – *Publication Manual of the American Psychological Association* (7th ed.). Washington, DC, 2020. 428 pp.

The “another way” of epistemology: discover true science!

Zhan K. Zagidullin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: autist2000@mail.ru

The article is devoted to the description of another (different from Kantianism) path of epistemology, which consists in analyzing not the conditions for the possibility of knowledge, but the historically existing phenomena of the production and distribution of knowledge in science. To do this, it is necessary to analyze different types of empirical material: scientific theories, intrascientific reflection of scientists and visible patterns of scientists' activities presented in historical and sociological cases. The efficiency of this version of empirical epistemology (formed on the basis of the theory of social relay races by M.A. Rozov) is demonstrated by the example of epistemological analysis of psychology as a science. The key benefit of using empirical epistemology is that there is a fundamental opportunity to falsify the conclusions of philosophers, and due to this, to make the models and concepts of epistemology rich and heuristic that allow you to see the true science.

Keywords: science, knowledge, philosophy of science, epistemology, theory of social relay races, empirical fact, empirical material, theory, psychology, reflection

References

Kant, I. *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Vol. 6. Moscow: "Misl" Publ., 1966, 743 pp. (In Russian)

Koch S., Leary D.E. (ed.) *A Century of psychology as science*. Washington: APA, 1992, 1010 pp.

Kuznecova, N., Zagidullin, Z. 'Kontury empiricheskoy epistemologii na baze teorii social'nyh estafet' [Outlines of empirical epistemology based on the theory of social relay], *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Iss. 19. Moscow: IPh RAS Publ., 2014, pp. 101–124. (In Russian)

Nikitin, E. 'Teoriya i empiriya: problema razgranicheniya' [Theory and empirical material: the problem of differentiation], in: *Pozitivizm i nauka. Kriticheskii ocherk* [Positivism and Science. Critical essay], Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 192–229. (In Russian)

Publication Manual of the American Psychological Association (7th ed.). Washington, DC, 2020, 428 pp.

Rozov, M. *Problemy empiricheskogo analiza nauchnykh znaniy* [Problems of empirical analysis of scientific knowledge], Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, 223 pp. (In Russian)

Rozov, M. *Teoriya sotsial'nykh estafet I problem epistemologii* [The theory of social relay races and problems of epistemology], Moscow: Novyii khronograf Publ., 2008, 352 pp. (In Russian)

Zagidullin, Z. *Osobennosti stroeniya znaniy v psikhologii kak nauke* [Specificity of the structure of knowledge in psychology as a science]: thesis of CSc in Philosophy: 09.00.01. Moscow, 2012, 127 pp. (In Russian)

Zagidullin, Z. 'Psikhologiya v optikah filosofskogo analiza' [Psychology through the glass of philosophical analysis], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 4, pp. 59–69. (In Russian)